

ВЕНГЕРСКИЙ СУФФИКС *-AS* В КАРПАТОРУСИНСКИХ ТЕКСТАХ

География венгерских по происхождению языковых элементов в языках народов, населяющих Среднюю и Восточную Европу, чрезвычайно широка и в основном соответствует границам Венгерского королевства XIII-XX веков. В современных литературных языках народов, проживавших на территории монархии, немало свидетельств их длительного языкового сожителства. Наряду с лексическими заимствованиями¹, которые первыми реагируют на активные межъязыковые контакты, немалый интерес представляют для лингвистов, на наш взгляд, те языковые явления, которые свидетельствуют о глубоком влиянии одного языка на другой/другие, в данном случае венгерского на языки невенгерских этнических групп, проживавших в составе венгерского государства на протяжении столь длительного периода времени. Заимствование словообразовательных суффиксов (в данном случае *-as*, *-ás*)², на наш взгляд, представляется свидетельством языкового влияния венгерского языка на другие (прежде всего славянские языки) на более абстрактном (глубоком) языковом срезе, каковым по отношению к лексическому уровню выступает словообразование.

Функционирование венгерского по происхождению суффикса *-s* (и производных от него: *-os*, *-es*, *-ös*, *-as*, *-ás*)³ распространяется на всей территории бывшего Венгерского королевства и даже выходит за его границы⁴. В современных диалектах и в литературных формах словацкого, словенского, сербского, хорватского и русинского языков фиксируется немало словообразовательных хунгаризмов на *-as*, *-ás*, *-es* (*-oш*, *-аш*, *-еш*).

Среди них как заимствованные целиком из венгерского существительные на *-oш* (*-аш*, *-еш*), ср., например: словц.: *argaláš*, *tamburáš*, *kontrás*; словн.: *dudáš*, *sektáš*; серб.: *najmáш*, *кормáнош*, *оружáш*; русин.: *такшааш*, *инош*, *немеш*, *асталош*, так и дериваты, образованные в парадигмах собственно словацких, словенских, сербских, хорватских и русинских мотивирующих с помощью заимствованного суффикса, ср. в словц.: *nikt-oš* ← *nikto*, *dudr-oš* ← *dudrati* и т.п.); в словн.: *cevk-áš* ← *cevka*, *nogomet-áš* ← *nogomet*, *kajak-áš* ← *kajak* и т.п.; в серб.: *бирт-áш* ← *биртуја*, *гитар-áш* ← *гитара*, *корупцион-áш* ← *корупција* и т.п.; в хорв.: *blebét-áš* ← *blebétati*, *rúkomét-áš* ← *rúkomet*, *drugolig-áš* ← *drugá liga* и т.п.; ю.-русин.: *балоташ* ← *багота*, *бетлегемаш* ← *бетлегем*, *вандровкаш* ← *вандровац* и т.п.; в к.-русин.: *смол-ош* ← *смолі*, *килош* ← *кили*, *калап-ош* ← *калап*⁵ и т.п. При этом отметим, что за исключением словацкого, во всех литературных языках региона этот словообразовательный формант носит в настоящее время продуктивный характер, с его помощью образуются новые слова.

В настоящей публикации проследим за использованием венгерского по происхождению суффикса в русинских текстах последних четырех столетий и остановимся более подробно на функционировании суффикса *-ош* (*-аш*) в

современных карпаторусинских текстах.⁶ Сразу отметим, что следы длительного русинско-венгерского двуязычия на словообразовательном уровне сказываются весьма заметно на протяжении всего периода языкового сожителства двух народов.

В „Няговской Постилле”, например, памятнике середины XVI века, наряду с лексическими хунгаризмами *ковдошъ*, *ломъпашъ*, *салашъ*⁷ (ср. венг. *koldus* (*koldos*), *lám pá s*, *szállás*) зафиксированы собственно русинские дериваты *курвашъ*, *урюкашъ* (*урукашъ*) „наследник”, ср. венг.: *ögök*; *цемраш* „работник, укрепляющий склоны, стены” (ср. их однокоренные слова, представленные в том же языковом памятнике: *курва*, *курварити*, *курварский*, *курварство*, *урюкъ цемрованный*).⁸

Дериваты, образованные в словообразовательных парадигмах русинских имен и глаголов с помощью суффикса *-ош* (*-аш*) фиксируются и в других устных и письменных памятниках южнокарпатских русинов последующих веков, ср., например: *гуслиш* „скрипач”, *арендаш* (Народные песни); *варташ* „часовой, сторож” (Гукливская летопись: ДДП); *арендаш*, *тапшаш*, *таксаш* „откупившийся крепостной” (Урбариум, 1772: ДДП); *трумбеташ* „играющий на трембите, трубач” (Углянский сборник: ДДП). Возможно, первоначально эти дериваты были заимствованы русинами в качестве лексических единиц, но поскольку со временем (или параллельно) в русинских диалектах рядом с этими единицами функционировали их однокоренные слова (в данном случае: *варта*, *аренда*, *тапша*, *трумбетати* – все эти слова фиксируются в письменных памятниках XVI-XVIII веков параллельно с наименованиями лиц) для носителей русинского языка подобные заимствования становились членимыми, а венгерский суффикс *-ас* (*-ás*) со временем стал восприниматься носителями языка в качестве самостоятельного языкового (словообразовательного) элемента. Показательной, на наш взгляд, в этом отношении представляется судьба венгерского существительного *koldus* „нищий”, образованного от глагола *koldulni* „нищенствовать”. В русинском языке наряду с наименованием лица *ковдош* функционирует существительное *ковды* (*йти у ковды*), которое в настоящее время в силу своей морфемной структуры может быть признанным в качестве производящего по отношению к наименованию лица *ковдош*, однако этимологически – производное от него. Такое морфемное переразложение внутри заимствованного слова могло произойти только при идентифицировании носителями языка самодостаточного, на их взгляд, суффикса *-ош*.

Одновременное и параллельное функционирование мотивирующей основы и словообразовательного форманта в обоих языках (венгерском и русинском) иногда вызывает определенные сложности при определении их происхождения. Так, например, русинские наименования лиц *копаш* и *косаш* образованы с помощью венгерского суффикса. В венгерском языке эти слова, ср. *karás*, *kaszás*, как и их мотивирующие *karálni* „копачи”, *kasza* „коса” имеют те же значения, что и в русинском: „человек, который мотыжит” и

„человек, который косит”. Целиком ли заимствованы из венгерского языка в русинский, или же образованы от собственных глаголов *копати*, *косити* (в последнем случае мотивирующим могло быть и имя существительное *коса*), вопрос вряд ли из решаемых. Бесспорным представляется другое: появление в русинских диалектах (а впоследствии и в его литературных формах) дериватов, образованных с помощью данного суффикса в словообразовательных парадигмах не только венгерских по происхождению слов свидетельство полного вхождения в систему русинского словообразования венгерского суффикса.⁹

История функционирования данного словообразовательного форманта в русинских текстах в целом подтверждает его продуктивность, ср., например, слова, зафиксированные нами в русинских научных, публицистических, художественных текстах и на страницах периодики первой половины XX века: *карабельошъ* „карабинер”, *пошташъ* „почтальон”, *путелекашъ* „владелец половины телека (участка земли)”, *сабадошъ* „свободный крестьянин”, *цурош* „бедняк”, [А. Годинка: Утцюзнаина...]; *бокораиш* „сплавщик леса”, *корманьош* „кормчий” [А. Годинка: Бокораші ци фаркановы]; *бутинаш* „лесоруб” (ср. сербское *батинати* „бить палкой, дубасить”), [Руська Молодежь] *фіскарош* „адвокат”, *бокораиш* [Ю. Станинец: Юра Чорний]; *бовташ* „продавец” [Ю. Боршош-Кумятский: Гуцульщина. Поезія въ прозѣ] *дарабаиш* „сплавщик леса, бокораиш” [Ю. Боршош-Кумятский: Димитро Калинюкъ (Трагедія дарабаша)] и т. п. Просторечное происхождение большинства дериватов на *-ош (-аиш)* всегда ощущалось авторами литературных текстов, ср., например, выделение кавычками слов *дукош* „богач” и *деревльошкы* „обувь на деревянной подошве” в педагогическом (значит, отражающем представления элиты о допустимом по отношению к нормам литературного языка) журнале: *Видиме, что цундрошъ-бѣднякъ сидитъ въ школь, а дѣтина „дукоша” попасуе волю...; ...бѣднякъ прииде въ школу въ „деревльошкахъ”, або босо, богачъ же выгваряеся, что дѣтина не достала блокъ на топанки зъ кожаную подошвою!* [Народна Школа]. Последнее, на наш взгляд, стало причиной относительно редкого использования таких дериватов в письменных формах языка на фоне широкого их использования в речи рядовых носителей русинских диалектов.

В современных подкарпатских текстах, характеризующихся широким использованием особенностей живой народной речи, суффикс *-ош (-аиш)* стал едва ли не наиболее продуктивным языковым средством для образования существительных наименований лиц (чаще всего с ярко выраженной оценочной коннотацией). Наряду с использованием широко известных носителям карпаторусинских диалектов дериватов типа *бовташ*, *гатьош* „одетый в гати, широкие полотняные штаны”, *килош*, *курваиш*, *пришташ* „живущий в доме жены”, *рядньош* „собирающий утиль; голодранец”, *сикош*, *смолош* „сопляк”, *торомбош* „губатый”, *фіскарош*, *фіскош*, *цурош*, *цундрош* „голодранец” и т. п. русинские авторы нередко используют новообразования из

живой народной речи последних десятилетий, или же сами создают новые дериваты со значением лица. В силу продуктивности данной словообразовательной категории на всей территории проживания русин в настоящее время эти неологизмы не воспринимаются носителями основных русинских диалектов в качестве окказиональных, то есть образованных с нарушением языковых закономерностей. Примеры, зафиксированные нами, свидетельствуют о высокой продуктивности данного суффикса в современных художественных и публицистических русинских текстах, ср., например: *беспека* → *беспекаш* „работник службы безопасности” [КГ, 11; РБ, ноябрь 1999]; *буйка* → *буйкаш* „боец” [КМ, ХР, 73, 15]; *інтервент* → *інтервентош* [НЗ: 10.04.1999]; *інтелігент* → *інтелігентош* [КГ:55]; *копита* → *копитош* „дьявол” [ПНС, 98]; *коропаня* → *коропаньош* „лягушатник, здесь: оскорбительное прозвище” [КГ, 69]; *наркотики* → *наркаш* „наркоман” [ПННС, 26]; *новинка* → *новинкаш* „газетчик” [КГ, 75]; *окуляри* → *окулярош* „очкарик” [КГ, 67; КГ, 67]; *пасуля* → *пасуляш* „любитель фасоли: оскорбительное прозвище” [КГ, 107]; *Пацалово* → *пацалош* „житель Пацалова, села, вымышленного автором” [КГ, 103]; *пінзія* → *пінзіяш* „пенсионер” [РБ, ноябрь 1999]; *сікурата*? → *сікурантош* „член румынской службы безопасности времен Чаушеску”?, здесь: „дьяволенок” [КЗ, 16]; *хрїнь* → *хрїняш* „оскорбительное прозвище” [КЗ, 18]; *фотькати* → *фотькош* „фотограф” [КГ, 76]; *яйця* → *яйцош* [КГ, 60] и т. д.

В настоящее время, когда большинство русин находится вне прямого венгерского языкового влияния, нередко такие слова лишены для носителей русинских говоров четких семантических очертаний. Показательным представляется использование их в качестве своеобразных стилистических средств. Звучные слова с улицы выступают в качестве создания юмористического или сатирического в художественном тексте, помогают автору представлять яркие языковые характеристики персонажей, ср.: *госундрагош* „ироничное наименование жителей вымышленной Пацаловской республики” (ср. венг.: *hosszú nadrág* „длинные штаны”); *ловгош* „здесь ругательное: „лентяй” (ср. венг.: *lóigóbus* „присяжная (здесь: лишняя) лошадь”); *фіскош* „парень” (ср. венг.: *fickós* „славный малый; ловкий плут; сорвиголова; балбес и т. п.”); *лупіндарош* „пьяница, ненадежный человек” (ср. венг.: *lutrol* „кутить”); *чалапіндош* (ср. венг. диал.: *csalapál* „идти шатаясь”); *францош* (возможно, производное от *фрас* „черт” или же связано с именем императора Франца-Иосифа, которое используется в составе ругательства, ср.: *Франца ти Йосифа!*) и т. п. Большинство носителей русинских диалектов уже не соотносят эти слова с венгерскими заимствованиями, поскольку не владеют венгерским языком. Однако, при этом в языковом сознании большинства русин суффикс *-ош (-аш)* остается „своим” и помогает идентифицировать наименования лица. В этом отношении показательно появление в русинских текстах новообразований *інтелігентош* и *інтервентош*: рядовой

носитель языка не замечает „чужого” суффикса *-ент* в составе наименований *интеллигент* и *интервент* и „исправляет положение” с помощью „своего” суффикса *-ош*.¹⁰ Подобное произошло и с лексическим заимствованием *сегинь* „бедолага” (ср. венг. *szegény*), наряду с которым в русинских говорах используется его словообразовательный вариант *сигиняш*.

В отличие от венгерского, где суффиксы *-as*, *-ás* имеют и другие значения (например, в дериватах, которые также известны в русинском языке и зафиксированы в текстах различных периодов типа *szállás* „ночлег”, *lámpás* „фонарь”, *irtás* „засека”, *áldomás* „могорыч” и т.п.) в русинском языке заимствованный суффикс сохранил только значение лица, и функционирует в карпаторусинском языке наряду с иными суффиксами с этим значением, ср., например: *-ак*: *простак*, *пришляк*, *заселяк*, *жебрак* и т. д.; *-ець*: *правосудець*, *косець*, *женець*, *крадець* и т. д.; *-арь*: *дзвонарь*, *коминарь*, *медувникарь*, *млинарь*, *мотузарь*, *писарь*, *пчоларь*, *рибарь*, *друтарь*, *цеглярь*, *школярь* и т. д.; *-ник*: *церковник*, *гайник*, *робутник*, *мурник*, *довжник* и т. д.

В текстах, в частности XVII-XVIII веков, фиксируются и словообразовательные варианты наименований лиц типа *тапшашь*, *тапшакъ*, *тапшарь*; *арендашъ*, *арендарь* и т.п., что, с одной стороны, подтверждает общую закономерность системы словообразования русинского языка – реализация одного словообразовательного значения в нем (как и в большинстве славянских языков) осуществляется зачастую с помощью нескольких различных словообразовательных формантов, с другой стороны, относительная распространенность подобного явления свидетельствует о недостаточной нормированности письменной формы карпаторусин как в прошлом, так и в настоящее время. При этом зафиксировать оценочные коннотации, если таковы были, у дериватов на *-ош* (*-аш*) в тот или иной исторический период вряд ли представляется возможным. Иное дело функционирование дериватов с данным суффиксом в наше время, которое демонстрирует общую языковую тенденцию: при существовании нескольких суффиксов с одинаковым значением, зачастую происходит их семантическая или же стилистическая дифференциация. Последнее произошло со стилистически нейтральным прежде суффиксом *-ош* (*-аш*) в русинских диалектах, который в настоящее время используется для создания наименований лиц с ярко выраженной оценочной коннотацией и сочетается зачастую со стилистически сниженными словами, ср.: *смолош* ← *смолі* „сопли”; *цурош* ← *цуря* „тряпье” и т. п. или же сочетаются со словами, значение которых вызывает негативную оценку носителей языка, ср.: *наркаш* ← *наркотики*, *фитькош* ← *фитькати* „свистеть, бесцельно проводить время”; *беспекаш* ← *беспека* „органы госбезопасности”; *коропаньош* ← *коропаня* „жаба” и т. п.

Дериваты на *-ош* (*-аш*) нередко становятся мотивирующими по отношению к другим дериватам. В нашем материале, например, представлено ряд таких производных со значением женскости, ср.: *магазинярошка*, *палінькарошка*, *трінькашка*. В подобных случаях восстановить форму потенциаль-

них мотивуючих (они не зафіксовані в досліджуваних текстах) не становить особого труда: *магазинярош, палінькарош, трінькаш*.

Немаловажним свідельством продуктивності даного суффікса в русинських діалектах на протязі тривалого історичного періоду їх проживання в Венгерському королівстві виступають русинські родини, переважно напряму заїмані з венгерського, або ж виниклі на власному мовному матеріалі. Ці мовні одиниці, завдяки своїй специфіці в меншій мірі піддані впливу мовної політики в той або інший період,¹¹ зберігають пам'ять про мовне походження південнокарпатських русинів і венгров, наприклад: Бордаш, Добош, Жирош, Зубаш, Карабелеш, Кеміняш, Лукаш, Майорош, Пушкаш, Сабодош, Цибуляш і т. д.

Словник:

арендаш [Пришла до корчми, с'їла на лавку, // Дай-же жиде, арендашу, паленки кварти: НІ, 83];

асталош [Чудо з дерева простого // Столяр – асталош чинив: ПД, 6];

без(с)пекаш [За што беруть платню наші нові безпекаші?: КЖС, 11; ...ніякі вкраїнські безпекаші на того ні були би валовшні.: РБ, новембер 1999];

бляндеш [**бляндеш** – fecsegő; говорун, болтун; пустомеля, балакун: ПС, 22];

бовташ [Ой, ишла я горѣ селомѣ, ишла я, ишла я, Питалися легѣники – чия я, чия я. Ой, не ваша легѣнику, не ваша, не ваша, Бо я собѣ полюбила въ Сиготѣ бовташа. У Сиготѣ бовташика, у Раховѣ пана, А въ Ясѣню легѣника – шѣдарика – дана: Ю. Боршош-Кумятський, Гуцульщина: К, 173]; ПС, 23];

бокораш [Аж бесѣте ся сомнівали, позвідайте прошу хоть котрого бокораша от Сокрыници до Рахова...: НАVK, 100; ПС, 24];

буйкаш [Ни тотя опальна пушка // Не поможе буйкашови: // Битися – не легка шутка...: КМ, ХР, 74, 15];

бутинаш [Подприемець з'єднає потрібне число бутинашовѣ и зачинаєся въ лѣсѣ праця: РМ, 1944/45, №1, 13];

гатьош [Уна най би ліпше попозерала на свуй парламент і ті закони, які приймає із своїми гатьошами – парламентаріями: КГ, 44; ...будете упознавати типирь у очі і старого гатьоша діда і нашого ківільного цапа Мокія: КГ, 76; Не позиравучи на всі вишеупом'януті провокації мого гатьоша, торжества із нагоди мого юбілею состоялся: НЗ, 10.04.1999];

госундрагош [Та кідь і дальше так піде, то ми всі, госундрагоші, станеме професорами...: КГ, 31];

гусяш [Ой, гусяш ты гусяшику, пой Марійко, грати: НІ, 56; ПС, 39; КМ, ХР, 73, 15];

дарабаш [Не разь было, выратовавъ // Дарабаша зь кручѣ: Ю. Боршош-Кумятський, Димитро Калинюк (Трагедія дарабаша): ЛН, 1942, 85; ПС, 23];

дукош [Видиме, что цундрошѣ-бѣднякѣ сидить въ школѣ, а дѣтина „дукоша” попасує волы...: НШ, 1943/44, №4, 75];

інтелігентош [...бо увін, цундрош, у нас великий інтелігентош: КГ, 55];

інтервентош [Коли старому інтервентошу не вдалася акція проти моїх золотих

образчику, я подслухала, як тот почав під'южувати кума Дюря на нове терористичеське дійство: НЗ, 10.04.1999];

калапош [Кідь слухати мого нечитавого на голову діда, то ми би тогди нігда-шуга не виділи у новинках і телевізіях ані наших міністру, ані депутату, бо в кого-кого, а в тих калапошів великих і секретних мислів тильо-вильо...: КГ, 77];

килош [Приймає динь, другий, а голова килоша не то штоби перестала боліти...: НЗ, 10.04.1999; КГ, 10];

ковдо(у)ш [Бо му Пішта... то каждый ковдуш у селі знає, што він такий брехач...: КГ, 9; ...будеш ти трясти бідов, як ковдош бородав: КЖС, 72];

копаш [**копаш** – ásóember; копальщик; копач, копальник: ПС, 80];

копыташ [Уповів ми копыташ: // – Будеш жити доста довго // Лем кить душу ми продаш: ПНС, 98];

корманьош [Уже'м не бировав за корманьоша быти: НАВК, 98; ...у сись кісний час уни не лем наші корманьоші, то єсть – ведучі, а й спасителі жизні!: КЖС, 54; ...де мусіли ся согласити, ош „корманьош” Туряниця у свому „корманьованю” явно пересвинює: РБ, новембер, 1999];

коропаньош [Айбо не дуже радуйся, коропаньоше:КГ, 69];

кукурікош [Айбо хіба мому кукурікошові (по-Вашому – старому пітухові) до Вас?: КЖС, 38];

курваш [По-простацькому – курваш наш Иван, // По-вшколованому вже – донжуан!: ПД, 54; Ч, 66];

ловгош [Но, і кого ослячий ловгош назвав? – звідаву твердо: КЖС, 76];

лотрош [Мій старий лотрош каже...: КГ, 42; Но, позерайся на лотроша, – розвела баба руками:КГ, 67];

лупі(и)нда(я)рош [Бо хоть він і великий лупіндарош, айбо най би з фрасом мало щи пожив: КГ, 101; Ти ніколи не знайдеш собі пари, // Бо п'яничка ти й брехач – лупиндярош: ПД, 60];

магазинярошка [...й купив магазинярошці із якихось дуже парадних мацуру шубу: КЖС, 33];

наркаш [Лем иппен ни наркаш им, ни пяниця: ПННС, 26];

новинкаш [Заявленіє – обраченіє до всіх головних новинкашу...: КГ, 75];

нюргош [...хрїнь ‘ми вдарив у голову і як‘им з миругу хряснула мому нюргашу по голові,...: КГ, 8];

окулярош [...замахав головов окулярош: КГ, 67; Окулярош завнаджився (по-Вашому – розтерьявся полностью) і голову заплів гет у плічі: КГ, 67];

палїнькарошка [За комуніштїв мене називали в селі – палїнькарошка (по-Вашому, паночку, – самогонщиця)...: КЖС, 10];

пасуляш [Великого пасуляша – Президента – заспіртовали: КГ, 107];

патикарош [**патикарош** –patikus; аптекарь; аптекар: ПС, 108];

пацалош [...я роздала каждому пацалошу по лівому гумаку...: КГ, 103];

передаш [**передаш** – fõ(vezetõ) ember; передовик, ведущий; передовик, ведучий: ПС, 109];

пінзіаш [Лем простый пінзіаш Людвік Паларчік из чиського варыша Тржановце пише...: РБ, новембер 1999];

присташ [**присташ** – a felesége házában élõ vej; зять, живущий в доме жены; приймак: ПС, 128];

прімаш [У оркестрі перша скрипка – прімаш: ПД, 85];

рядьош (рядяш) [І рядяші заціпеніли...: КГ, 20; ПС, 141];

сикош [Пуд агацом у тыни // стоять ... // сикоши и сикошки...: Ч, 74];

сикльош [Я нараз штурхнула пуд ребро діда і кажу ‘му: „Позерай лем, сикльоше, який мудрий наш пан Президент: КГ, 38];

сігіняш [...тот сігіняш, два роки чухався і пив квасну воду: КГ, 37];

сікурантош [– Он ваш Митро... то є злий сікурантош!: КЗ, 16];

смолош [РБ, новембер 1999; Ч, 86; ПНС, 14; Ти, смолоше! – кажу: КГ, 11];

таначош [...коли прийшов фотькош знімати тройцю будущих таначошів на перед-виборні плакати, муй дідо вже був п’яний...: КГ, 76];

торомбош [...я на собственні вочі пересвідчився, ош наші торомбаші цімбори – нігри не лем уже доганяють нас...: КГ, 104];

трінькашка [Не будучи газдом свому язикові, увін обізвав у корчмі при міністерці культури Майрі ментівці мою бабу фальов, незатканов помийницьов, Одотьюю-трироботью і старою трінькашкою: КГ, 46];

урвитош [Урвитош – той, хто вирве, відірве // Спокійності твоєї серцевину: ПД, 106];

фіс(ш)карош [...у котруй ем видів, же фамилия покойного фишкароша Екмана от давна держала наш обряд: НАVK, 73; А тепер, фіскароші, представте собі...: КГ, 100; В давнинні дні фішкарош – адвокат: ПД, 110; ПС, 171];

фіскош [...і тоді кум прогварив, як фіскош: КГ, 22; ...де муй старий фіскош...: КГ, 37];

фітькош [Фітькош – це бездумний легінь, // Фітькош – це свистючий батіг: ПД, 110];

фльгош [фльгош – kóbog, kósza ember; бродяга; бродяга, волоцюга: ПС, 171];

фотькош [...коли прийшов фотькош знімати тройцю будущих таначошів на перед-виборні плакати, муй дідо вже був п’яний...: КГ, 76];

францош [Так... так, пане професоре, – удказав малий францош, – нам, демокра-там, із тима комуніштами не по путі: КЖС, 77];

фурманёш [фурманёш мадь. – fuvaros; извозчик; вызник: ПС, 172];

хріняш [Сесе вони, хріняші, нашу дитину набивають злим духом!: КЗ, 18];

цімборашка [Уд сього розговора із Вашою цімборашкою, паночку Президенте, нараз ‘ми удняло бисіду: КЖС, 58];

цундрош [...бо увін, цундрош, у нас великий інтелігентош: КГ, 55];

цурош [Прийшли цуроші з піштольов, // заложили нам калгоз: Ч, 17; Оборванець, давно казали – цурош: ПД, 119; У нас, цуроше еден, типирь, може, і веце панів, як у Гамериці!: КЖС, 11; ...сись народ итак сарачит, цурош, сирота, голоден: СС, 28];

чалапіндош [Чалапіндав чалапіндош – // Вшиткый замастився: ПД, 120];

чінкош [Представляєте, убрали мого старого чінкоша Президентом...: КГ, 101];

яйцош [Роками сидиме із своїм старим яйцошом перед телевізійов...: КГ, 60].

Примечания:

¹ Этот аспект языковых контактов относительно хорошо исследован в современной славистике и хунгарологии, ср., например: Балецкий, 1958; Lizanec, 1970; Lizanec, 1976; Rot, 1973; Nabovštiaková, 1979; Hadrovics, 1985; и др. В этой связи заслуживают внимания и исследования межъязыковых контактов венгерского с языками народов, не контактирующих непосредственно с носителями венгерского языка, ср. Холлоши.

² Под влиянием венгерского языка обрел фонетический облик известный в большинстве европейских языков суффикс *-ист*, который в современных русинских текстах весьма продуктивен, ср.: *автономішта, біціклішта, дантішта, комунішта, міліцішта, салвішта, сепаратішта, терорішта, фотбалішта* и т.п.

³ Об этом см., например: Майтинская К. Е. Венгерский язык. Часть II. Грамматическое словообразование. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1959.

⁴ В основном при посредничестве русин и восточных словаков и данный суффикс известен и в речи лемков, жителей северных отрогов Карпат на территории Польши, которые не являлись подданными Венгерского государства, однако играли активную посредническую роль в экономических и культурных отношениях соседних государств. Польский ученый Janusz Rieger фиксирует, в частности, дериваты со значением лица: *bo-sorkosz, chwastosz, koprosz, kurwasz, lotrosz, mudryjasz, prystasz, skupindosz, strigosz*. Не рассматриваем мы лексические единицы на *-аш* в других славянских языках, в частности, ср. русские наименования лиц: *торгаши, алкаши*; украинские личные имена: *Лукаш, Петраш, Кардаш* и т.п., отметим лишь, что их число не сопоставимо с количеством подобных дериватов в языках славянских народов бывшего Венгерского королевства.

⁵ В настоящей публикации мы не рассматриваем мадяризмы типа *сокташ, ломташ, орташ, буділарош* и т.д., которые в разное время были и остаются в русинских говорах, поскольку суффикс *-ош (-аш)* не приобрел вслед за подобными венгерскими дериватами значения „конкретный предмет” или „абстрактное явление”. На протяжении всего исторического периода и в настоящее время большинство таких лексических заимствований остаются не только непроизводными, но и нечленимыми.

⁶ В XX веке русины венгерского королевства оказались в составе разных государств. В настоящее время кодифицировали формы литературного языка войводинские (югославские) русины – еще в начале XX века, словацкие русины в 1995 году. Польские лемки и карпаторусины (украинские русины) пишут языком, основанным на современных живых народных говорах и с учетом письменных традиций, сложившихся на протяжении последних столетий. Об этом подробнее см., например: Paul Robert Magocsi, ed., *A New Slavik Language Is Born: The Rusyn Literary Language of Slovakia. With an Introduction by Nikita I. Tolstoj* (Eastern European Monographs, No. CDXXXIV), New York: Columbia University Press, xv + 78 p. + facsimiles; *Zrodil sa nový slovanský jazyk, Rusínský spisovný jazyk na Slovensku*, 1996, xv + 68 p.; Капраль М. Издания Иоанна Кутки в истории русинского литературного языка // *Studia Russica XVII*. Budapest, 1999. 284-290.

⁷ Здесь и далее все языковые единицы представлены с сохранением графики и орфографии оригинальных текстов, в которых фиксируются нами дериваты на *-ош (-аш)*, что частично иллюстрирует различные этапы развития карпаторусинского литературного языка.

⁸ Дажё Ласло. Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ). Дебрецен, 1985.

⁹ Явление само по себе известное и распространенное, ср., например, суффикс *-ист, -атор, -ор (ер)* и др. с этим же значением лица в русском литературном языке, .

¹⁰ Подобное явление известно также в венгерском языке, где подобные процессы происходили со словами типа *mészáros*, когда рядовыми носителями языка „не был замечен”

чужой суффикс (в данном случае суффикс лица -ар) и произошло дублирование языковых средств.

¹¹ В советское время, например, были переименованы села Берлебаш, Салдобош, Фогараш (соответственно в Костыливку, Стебливку и Зубивку). Уже в наше время село Барвинкош вблизи Ужгорода переименовано в Барвинок.

Источники и литература:

1. Балецкий Э. Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. *Studia Slavica Hung.* IV (1958) 23-46.
2. Великий сельско-господарский календарь Подкарпатского Общества Наукъ на рокъ 1943. Зложив: Др. Иван Гарайда. Унгварь, 1942.
3. Дажё Ласло. Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках. Словарь, анализ, тексты. Под общей редакцией Иштвана Удвари. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 4. Nyíregyháza, 1996.
4. Кеминь Михайло. Изянська Русалка. Християнська родина, №№ 18, 34, 37, 38, 40, 44, 49, 59, 62, 73, 74.
5. Дажё Ласло. Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения. Словарь и анализ. Дебрецен, 1985.
6. Кешеля Дмитро. Госундрагоші (всякое-шілякоє). Ужгород, 1994.
7. Кешеля Дмитро. Жіванський світ. Роман із народного життя у трьох серіях. Ужгород, 1997.
8. Кешеля Дмитро. Збийвіч, або ж Кіна не буде. Ужгород, 1999.
9. Народнѣ пѣснѣ подкарпатскихъ русиновъ. Ч.І. Зобрали: Д. Задорь, Ю. Костьо, П. Милославский. Выданя Подкарпатского Общества Наукъ. Унгварь, 1944.
10. Петровцій Иван. Діалектарій, або ж мила книжочка русинської бисіды у віршах. Ужгород, 1993.
11. Петровцій Иван. Наші співанкы. Осій-Берегово-Ужгород, 1996.
12. Петровцій Иван. Наші і нинаші співанкы. Русинська поезія. Осій-Ужгород, 1999.
13. Поруналный русинсько-мадярсько-руско-український словарьчик. Составив: Стефан Попович. Мукачово-Будапешт, 1999.
14. Рот А.М. Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Будапешт, 1973.
15. Удвари И. Языковое отражение русинско-(карпатоукраинско-)венгерского сожительства. На основе тома: Госундрагоші. *Slavica XXVIII.* Debrecen, 1997. 185-197.
16. Чучка Павло. Вичурки по-баранинські. Баранинці-Ужгород, 1992.
17. Шандор Петевфій. Убрані поезії. Потовмачив Славко Слободан. Едіція Пудкарпатія 1. Ужгород, 1998.
18. Hbovštiaková, K. Slová maďarského pôvodu v slovenčine. *Studia Slavica Hung.* XXV, 1979. 169-176.
19. Hadrovics László. Ungarische elemente im serbokroatischen. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1985.
20. Hodinka Antal. Утцюзнина, газдуство и прошлость южнокарпатських русинувъ / A kárpátaljai rutének lakóhelye, gazdaságuk és múltjuk c. műve (Budapest, 1923) ruszin nyelvű változatának hasonmás kiadása. A művet kiadásra előkészítette, utószót írta: Udvari István. Nyíregyháza, 2000 [репринт].

-
21. Hodinka Antal válogatott kéziratái. Válogatta, szerkesztette és a bevezető életrajzot írta: Udvari István. Vasvári Pál Társaság Füzetei 11. Nyíregyháza, 1992.
  22. Horecký Jan. Slovenská lexikológia I. Tvorenie slov. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1971.
  23. Lipták Štefan. Zo slovensko-maďarských jazykových vzťahov (Podľa lexikálneho materiálu zo zemplínskych a užských nárečí). *Jazykovedné štúdie XXI Dialektológia*, Bratislava, 1987. 106-111.
  24. Lizanec P. M. Magyar ukrán nyelvi kapcsolatok. A kárpátontúli ukrán nyelvjárások anyaga alapján. Ungvár, 1970.
  25. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Skolska knjiga, 1979.
  26. Rieger Janusz. Słownictwo i nazewnictwo łemkowskie. Warszawa, Semper, 1995.
  27. Toporišič Jože. Slovenska slovnica. Ljubljana: Založba Obzorja Maribor, 1976.

Принятые сокращения:

венг. – венгерский язык
ДДП – Дажё Ласло. Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках
К – Великий сельско-господарский календарь
КГ – Кешеля Дмитро. Госундрагоші
КЖС – Кешеля Дмитро. Жіванський світ
КЗ – Кешеля Дмитро. Збийвіч, або ж Кіна не буде
к. русин. – карпаторусинский язык
ЛН – Літературна Недѣля
КМ – Кеминь Михайло. Изянська Русалка
НЗ – Новини Закарпаття
НШ – Народна Школа
ПД – Петровцій Иван. Діалектарій, або ж Мила книжочка русинської бисіды у віршах
ПНС – Петровцій Иван. Наші співанки
ПННС – Петровцій Иван. Наші и нинаші співанки
ПС – Поруналный русинсько-мадярсько-руско-український словарчик
РБ – Русинська бисіда
РМ – Руська Молодежь
серб. – сербский язык
слвн – словенский язык
слвц – словацкий язык
СС – Шандор Петевфій. Убрані поезії. Потовмачив Славко Слободан
хорв. – хорватский язык
ХР – Християнська родина
Ч – Чучка Павло. Вичурки по-баранинські
ю.-русин. – югославо-русинский язык
НАVK – Hodinka Antal válogatott kéziratái

Káprály Mihály

Hungarian suffix *-as* in Carpatho-Rusyn texts

Summary

The present article is dedicated to interlingual contacts. Based on the rich facts the history of Hungarian personal suffix *-as* is studied. The latter is functioning in modern Serbian, Croatian, Yugoslav-Ruthenian, Slovenian, Slovak literary languages and dialects. People speaking these dialects have been for a long time living on the territory that was part of Hungarian kingdom. History of the given suffix functioning and its modern state is considered based on the Carpathian and Ruthenian written old and new texts. Productivity of the borrowed personal suffix *-ou* (*-au*) is considered to be the result of both the active interlingual contacts in Carpathian region and the considerable influence of Hungarian on the language and culture of Southern Carpathian hills. There are many names in modern Carpatho-Rusyn texts which are either fully borrowed from Hungarian, e. g.: *арендаш, бовташ, ковдош, тапшаш, таксаш, трумбеташ* etc. Some of them appeared in word formation paradigm of Carpatho-Rusyn motivated words, e. g.: *безпекаш, интеллигентош, окулярош, пинзияш, смолош, фотькош* and so on. The results of the Carpatho-Rusyn and Hungarian language contacts on the word formation level testify the deep process of a similar interaction. Lingual realia of modern Ruthenian patois is evident of the same tendency: side by side with numerous lexical borrowings from Hungarian which firstly ‘respond’ to active lingual contacts of the bordering population, the language unit of a more abstract level is productive. In this case the mentioned unit is of Hungarian origin and is rather active in modern Carpatho-Rusyn word formation suffix with a personal *-ou* (*-au*) meaning.

Studia Slavica Hung. 47/1-2, Budapest, 2002. 73-85.